

Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам

М.Г. Стадников

кандидат психологических наук, докторант кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mgstadnikov@gmail.com

А.А. Щеглов

преподаватель Центра государственно-конфессиональных отношений Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Санкт-Петербург, Россия, aascheglov@yandex.ru

В статье приведены результаты исследования методом контент-анализа материалов интервью участников радикальных националистических группировок, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по мотивам расовой и религиозной ненависти и вражды («преступления ненависти»). В исследовании принимало участие 20 человек в возрасте от 18 до 30 лет. Как показали результаты интервью, испытуемые продемонстрировали потребность в "черно-белом" восприятии мира, в котором обязательно присутствует образ врага, подлежащего уничтожению. Это делает их особенно восприимчивыми к побудительному воздействию экстремистской коммуникации. Обнаружено сходство социально-демографических и социально-психологических характеристик у опрошенных, позволяющее предположить у них наличие общего набора характерологических черт, образующих устойчивый синдром. Выделены социально-демографические и социально-психологические черты, свойственные лицам, склонным к совершению «преступлений ненависти».

Ключевые слова: экстремизм, преступление ненависти, авторитарная личность, агрессия, картина мира.

Для цитаты:

Щеглов А.А. Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Shheglov.phtml> дата обращения: дд.мм.гггг)

Stadnikov M.G., Scheglov A.A. The problem of research on the socio-psychological characteristics of persons who have committed serious and heinous crimes of violence for ideological reasons [Elektronnyj resurs] «Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru», E-journal «Psychological Science and Education psyedu.ru», 2014. no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Shheglov.phtml> (Accessed dd.mm.yyy)

В современном мире общественное мнение приобретает все большее влияние, не только в политике, но и в коммерции, или даже в искусстве. Ориентация на массовый спрос, на производство продукции для глобальных рынков – это реалии сегодняшнего дня практически во всех отраслях человеческой деятельности. В этой связи, изучению психологии потребления в самом широком смысле этого слова уделяется большое внимание. Прежде, чем выпустить товар на рынок, тщательно изучается его потенциальный потребитель. Товары разрабатываются для определенных потребительских ниш, с учетом характерологических черт, обладатели которых будут являться в каждом из случаев целевой аудиторией. Этот подход сегодня работает как в маркетинге, так и в политологии. Для разных общественных слоев современными политиками предлагаются различные тезисы. Особое звучание приобретает работа с общественным мнением в ситуации, когда на первый план в политике выходит так называемая «уличная демократия». Недавние события в Киеве, череда «цветных революций» в странах арабского мира, события в Грузии и Югославии прошлых десятилетий наглядно демонстрируют нам, что власть экзальтированной толпы оказывается гораздо более сильной, чем государственные институты и авторитет национальных лидеров. Готовность к осознанному осуществлению противоправных действий, наказуемых в уголовном порядке ради достижения эфемерных, нечетких, идеологически мотивированных целей можно определить как готовность к экстремистскому поведению, в понимании, заложенном Шанхайской конвенцией о противодействии терроризму, экстремизму и сепаратизму [10]. В своих крайних проявлениях экстремистское поведение выражается в совершении насильственных действий по мотивам расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти и вражды, или, иначе – в совершении «преступлений ненависти». Сообщения в средствах массовой информации о подобных преступлениях стали приметой сегодняшнего дня. Этой проблеме уделяется внимание как в отечественной, так и в зарубежной науке. Большая работа в изучении идеологически мотивированного насилия была проделана Н.В. Мешковой и С.Н. Ениколоповым, рассматривающими такого вида агрессию как внешнее проявление предубежденности [5,6,7]. Как правило, в совершении «преступлений ненависти» участвуют молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, причем далеко не все из них растут в неблагополучных в социальном плане семьях. В современной литературе существуют различные мнения на предмет наличия у таких преступников общих характерологических черт. Исследователи из так называемой Франкфуртской школы выделили особый тип личности – авторитарную личность, особенности которой описываются в работе Т. Адорно [1]. Вместе с тем, рядом современных исследователей проблемы терроризма и экстремизма такой подход признается неверным [8]. С целью прояснения ситуации и было проведено данное исследование.

Для изучения социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам, опрашивались участники нескольких ультранационалистических организаций, отбывающих наказание за совершение убийств по мотивам расовой и религиозной нетерпимости. Материалы интервью исследовались методом контент-анализа, также анализировались мимические реакции испытуемых и их жестикация. Всего было исследовано 20 человек в возрасте от 18 до 30 лет (18 мужчин и 2 женщины), которые в составе групп численностью от 2 до 5 человек совершали нападения на «мигрантов» с использованием холодного оружия. Все испытуемые совершили по несколько убийств, а некоторые имеют на счету более десяти жертв. На момент обследования они находились в местах лишения свободы, по результатам психолого-психиатрической экспертизы были признаны вменяемыми. Основным отличием настоящего исследования от проведенных ранее является способ комплектования выборки: все испытуемые совершали насильственные действия сходным образом, под воздействием одних и тех же идеологических установок, основанных на декларации расовой исключительности и вражде по отношению к представителям иных расовых, национальных и религиозных групп.

В результате бесед с испытуемыми установлено, что идеологическая основа, послужившая оправданием совершения противоправных действий, была получена ими через общение в сети Интернет на сайтах националистической тематики. В ходе виртуальной коммуникации они восприняли как объективную реальность сконструированную экстремистскими авторами черно-белую картину мира, основанную на непримиримой борьбе между двумя различными полюсами – «Мы» и «Они». Здесь представителям категории «Мы» приписывается монополия на справедливость, а категория «Они» наделяется качествами, воплощающими в себе представления общества об абсолютном зле. Данная концепция хорошо описывается термином «космическая война», введенным М. Юргенсмейером [12]. В этой концепции для объяснения возникающих в обществе социальных противоречий образ врага является необходимым элементом. Но враг в «космической войне» – это не конкретное государство или конфессия, как бывало ранее. Здесь образ противника максимально абстрактен и в качестве такового может быть рассмотрен каждый, не осуществивший одобряемый идентичностный выбор, не отнесенный к категории «Мы». Образ врага формируется постепенно, негативные характеристики переносятся с представителей социальных групп, имеющих широко распространенную в обществе негативную окраску на всех, остающихся вне категории «Мы». Так, в националистических группировках в число «врагов» относят не только представителей чуждых этнических или религиозных групп, но и тех представителей «титულიй нации», которые не отказываются признать в них безусловных врагов.

Основываясь на идеологии ненависти и вражды, адепты экстремистских организаций побуждаются к совершению активных действий. Именно таким образом, через совершение преступлений, они должны доказать свою состоятельность, свое право принадлежать к категории «Мы», оказаться достойными того, чтобы выжить. Даже вопрос принадлежности к той или иной этнической группе может отходить здесь на второй план (один из испытуемых является армянином по отцу). Главным оказывается готовность полностью подчинить себя групповым интересам «Мы», вступить на путь непримиримого противостояния со всем остальным миром. Именно витальным интересам категории «Мы» угрожает сконструированный образ «космического врага», для простоты понимания определяемый для неопитов через принадлежность к негативно оцениваемым социальным группам – «жиды», «чурки», «мигранты», «кремлежулики» и т.п. Будучи абсолютно уверенными в реальности сформированной посредством сетевого общения картине мира, никто из испытуемых не раскаивается в содеянном, сострадание к жертвам у них отсутствует. Связанное с совершением преступлений беспокойство рационализируется у них через убежденность в невозможности насильственным путем устранить угрозу «жизненным интересам русского народа» со стороны «оккупантов». Кроме того, жертвы здесь деперсонализированы и дегуманизированы: это «нелюди», это «звери», расово неполноценные, «враги», лишённые человеческого достоинства. Следует отметить, что выбор жертвы среди лиц иной культуры и иного фенотипа лишь упрощает психологическую адаптацию к совершению насильственных действий в их отношении. Фактически, в большинстве случаев выбор жертвы осуществлялся случайно. В нескольких случаях желание совершить преступление было у испытуемых столь сильным, что они приняли решение напасть на первого же встреченного им человека, внешне похожего на выходца из республик Средней Азии. Целью нападения всегда здесь являлось именно убийство, о чем все испытуемые говорят открыто. Крайне важным для них являлось также освещение совершенного ими преступления в СМИ, одобрение со стороны соратников и руководителей неонацистских группировок. В мотивации к делинквентному поведению у опрошенных полностью отсутствовал меркантильный аспект – жертвы либо не подвергались ограблению, либо обнаруженные при них деньги и ценности становились собственностью группы. В качестве мотивов к совершению преступлений названы: «дестабилизация политической обстановки в стране», «борьба с нелегальной миграцией», «начало «расовой священной войны» (Racial Holy War, сокращенно RaHoWa). Последний тезис в представлении испытуемых означает понятие, аналогичное мифологическому

«концу времен», «битве богов», «апокалипсису». Апокалиптические мечты крайне абстрактны, но именно они являются общей характерной особенностью для всех опрошенных, именно такое видение будущего является для них желанным, именно эта абстрактная цель становится для них важнейшим мотивирующим фактором. Одновременно, они демонстрируют слабую дифференцированность целевой структуры личности, для них является затруднительным планирование стратегии достижения того или иного конкретного результата. В их самооценке присутствует амбивалентность – с одной стороны, они адекватно оценивают свои знания, бытовые и профессиональные навыки, с другой – обладают крайне завышенным уровнем притязаний. Практически каждый (за исключением одной испытуемой) считает себя способным быть руководителем большого коллектива и достойным высокого уровня благосостояния. Вместе с тем, у них отсутствует профессиональная идентичность. С одной стороны, в силу возрастных особенностей, никто из них не приобрел опыта трудовой деятельности, с другой стороны, они не выразили стремления к обретению какой-либо профессии. Свое нежелание участвовать в производительном труде, получать систематическое образование они рационализируют через стремление к «апокалипсису», по наступлении которого все полученные ранее навыки окажутся неактуальными. Такая картина соотношения в целевой структуре личности и структуре самооценки, согласно концепции, изложенной Б. Братусем [2], свидетельствует о признаках наличия у испытуемых расстройств личности по типу психопатии, осложненной неврозом.

Полученные в ходе бесед с испытуемыми результаты можно обобщить в следующих наборах социально-демографических (табл. 1) и социально-психологических (табл. 2) черт.

Таблица 1

Социально-демографические особенности профессиональных экстремистов.

Возраст: 18-30 лет.
Пол: В основном членами экстремистских групп являются мужчины, они же исполнители акций «прямого действия». Женщины, участвующие в деятельности экстремистских групп, как правило, явно или скрыто подстрекают на совершение прямых экстремистских акций, исполнителями в большинстве случаев не являются. Вместе с тем нередко они присутствуют на акциях в качестве зрителей, фиксируют происходящее на фото- и видеоносители. Присутствие женщины в группе, объединенной экстремистской идеологией, как правило, свидетельствует о высокой вероятности перехода ее участников к открытой противоправной деятельности.
Семейные отношения. Отсутствие семейных обязательств. Собственной семьи нет. Проживают, как правило, в неполных семьях, воспитываются в большинстве случаев матерью.
Отношения с родителями: Отношения с родителями сложные. Нет эмоциональной связи между родителями и ребенком. Родители не знают и не замечают экстремистской деятельности ребенка, а также наличие у него экстремистской литературы и атрибутики. В целом по социально экономическому статусу семьи в большинстве случаев относятся к нижним общественным слоям, вместе с тем среди экстремистов нередко встречаются представители среднего и высшего класса. (Определение классов производится здесь достаточно условно, в данном случае имеется ввиду жизненный уровень).
Отношения с противоположным полом. Для мужчин характерно отсутствие регулярных сексуальных отношений вследствие невозможности установления полноценных психоэмоциональных контактов с женщинами. Женщины приходят в экстремистские группы с целью найти сексуального партнера (часто не осознавая и не

декларируя это). Устанавливают близкие отношения только с наиболее авторитетными участниками группы, чаще всего – с лидером.

Образование: Как правило, имеют законченное среднее образование. Встречаются лица с неоконченным среднеспециальным и высшим образованием. Теряют интерес к получению образования на первом-втором году обучения, не имеют четких представлений о будущей профессии.

Служба в вооруженных силах: Как правило, уклоняются от службы в армии, декларируют стойкое нежелание проходить срочную службу. Вместе с тем, призванные и прошедшие службу члены экстремистских групп в большинстве случаев к противоправной деятельности не возвращаются.

Наличие работы: Постоянной работы не имеют, перебиваются случайными заработками. Полностью отсутствует профессиональная идентичность. Проживают за счет родителей или за счет экстремистской организации. В случаях трудоустройства выбирают виды занятости, не требующие специальных навыков (охранник, продавец, грузчик, курьер). Участвуют в оплачиваемых общественных акциях, готовы к совершению в их рамках преступлений хулиганского или насильственного характера. Ищут возможности заработка с использованием сети Интернет.

Образ жизни: Все свободное время посвящают экстремистской деятельности. Как правило, занимается контактными видами единоборств, демонстрирует здоровый образ жизни, приверженность движению StraightEdge (сознательный отказ от употребления психоактивных веществ и сексуальных отношений). Несмотря на это, отдельные участники экстремистских организаций употребляют алкоголь и наркотические препараты, что более характерно для леворадикальных и анархистских групп. Большую часть времени посвящают общению в социальных сетях, на закрытых форумах экстремистской направленности, где и происходит вовлечение потенциальных членов в деятельность экстремистских организаций и групп. В рамках этого общения устанавливаются контакты с единомышленниками, в том числе и из других регионов, планируются личные встречи и боевые акции. Возможен переезд членов виртуальных экстремистских групп, сформировавшихся в сети Интернет из жителей разных регионов, к месту жительства одного из них для осуществления реальной противоправной деятельности. Основным источником информации о внешнем мире являются специализированные интернет-сайты и блоги. Сведения, изложенные другими источниками информации, доверием не пользуются. Особо демонстрируется отказ от просмотра телепрограмм. Для участников экстремистских групп характерно увлечение «альтернативной» музыкой, практикуется посещение тематических концертов, организуемых в специализированных закрытых клубах.

Некоторые особенности внешнего вида: Часто встречающейся особенностью внешнего вида является наличие специфических татуировок (свастики, коловрат, паутина, надписи готическим шрифтом, руны, кельтский орнамент). В одежде предпочитают спортивный стиль или «милитари». Практикуют ношение холодного и травматического оружия, в том числе и открытое. Для тренировок на улице и выездов в загородные походы и лагеря держат дома комплекты военной одежды типа «камуфляж», армейские ботинки с высоким берцем.

Таблица 2.

Социально-психологические черты участников радикальных политических организаций, склонных к насилию

1. Низкая способность к эмпатии, т.е. к сопереживанию, что проявляется в полном безразличии к страданиям жертвы, безучастном отношении к судьбам поделщиков, принципиальной готовности давать показания на них.
2. Повышенный авторитаризм, проявляющийся в черно-белой картине мира, жестком разделении социального окружения на «мы» и «они», на своих и врагов. Если «мы» это члены конкретной экстремистской группы, то «они» являются размытой и динамической категорией, включающей в себя «всех остальных». Враг выбирается зачастую импульсивно, исходя из сиюминутного стечения обстоятельств.
3. Стремление к демонстративности. Все совершаемые акции осуществляются с целью привлечения внимания к собственной персоне, являются предметом гордости участников экстремистской группы.
4. Ригидность, выражающаяся в отсутствии интеллектуальной гибкости, неспособности воспринимать иную точку зрения, кроме усвоенной. В процессе коммуникации с подобными людьми попытки склонения их к изменению собственных идеологических установок обычно бесполезны.
5. Уплотненность эмоций, выражающаяся в отсутствии способности к эмоциональному окрашиванию переживаемых событий. У них возникают сложности в налаживании психоэмоциональных контактов как с противоположным полом, так и с социальным окружением в более широком смысле. Внешне проявляется в отсутствии живой мимики, скудной жестикуляции, монотонной манере речи.
6. Игровое восприятие реальности, выражающееся в отсутствии критичного, осознанного отношения к своей деятельности в составе экстремистской группы. Все происходящее с ними воспринимается как элемент игры, из которой можно с легкостью и безболезненно выйти.
7. Завышенный уровень социальных притязаний при заниженной самооценке, что проявляется в амбивалентных стремлениях к власти и подчинению. Декларируется право на руководство людьми, право на высшие государственные должности при одновременном осознании несоответствующего уровня образования и отсутствия необходимых навыков, внутренней неуверенности в собственных силах.
8. Формирование аддиктивного (зависимого) поведения, что выражается в получении удовольствия от самого факта участия в экстремистской деятельности, в первую очередь, в самых крайних ее проявлениях. Через некоторое время активного участия в акциях прямого действия, идеологические мотивации отходят на второй план, появляется стойкая потребность к совершению противоправных поступков.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что все испытуемые являются носителями сходного набора характерологических черт. Частично, эти черты являются проявлением конституционных особенностей, частично приобретены в ходе социализации. Экстремистская идеология для таких людей является своего рода триггерным механизмом, запускающим процесс их развития по патологическому пути. У них изначально сформирован запрос на дуалистичную, черно-белую картину мира. Им трудно воспринимать более сложные идеологические конструкции, для них оказываются не важными любые нюансы. Именно на таких людей экстремистская коммуникация оказывает наиболее сильное влияние, мотивируя их на совершение тяжких и особо тяжких насильственных преступлений. Именно описанный выше тип личности и является целевой аудиторией для экстремистских лидеров, именно он является потребителем того информационного товара, который предлагается радикалами и воспринимается большинством населения как пустое оппозиционное резонерство. В обществе постмодерна, где, грань между добром и злом размыта, где «...Бога нет, значит все дозволено», весьма непростым является вопрос,

решаемый каждым из нас индивидуально – что считать злом, а что благом. Смещение ценностных ориентиров сегодня происходит повсеместно. И здесь экстремистскими лидерами найдена достаточно простая формула, позволяющая достигать необходимого общественного доверия к исповедуемой ими картине мира, как бы сильно не противоречила она здравому смыслу. Согласно теории Нобелевского лауреата 2001 г. Эндрю М. Спенса [13], затратные сигналы приобретают особую достоверность для реципиента, если ему известно, что они дорого обошлись тому, кто их посылает. Так, совершившие тяжкие и бессмысленные на первый взгляд преступления из экстремистских побуждений лица, заплатившие за свои убеждения «высокую цену» - преследуемыми государством в уголовном порядке - охотно воспринимаются массовым сознанием, как некие безусловные моральные ориентиры, которым можно довериться. Часто экстремист маскируется под «чудака», «креативного человека», «современного художника».

Таблица 3.

Креативная личность и девиант (по В.Д. Менделевичу [4]) в сравнении с экстремистом, склонным к совершению преступлений ненависти

Креативная личность (по Д. Симонтоу)	Девиант (аддиктивная личность по В.Д. Менделевичу)	Экстремист, склонный к совершению преступлений ненависти
Независимость взглядов и неконформность суждений	Неконформность, неадаптивность поведения и суждений вследствие скрытого комплекса неполноценности	Внутригрупповая конформность при совершенной нетерпимости к внешним суждениям, сочетание скрытого комплекса неполноценности с комплексом превосходства.
Стремление выйти за рамки, «нарушить границы», оригинальность и нестандартность	«Жажда острых ощущений», необычных переживаний, склонность к риску, эпатажность.	«Жажда острых ощущений», склонность к демонстративности, эпатажу, при этом стремление минимизировать вероятность наступление непрогнозируемых последствий.
Открытость ко всему новому и необычному	«Жажда острых ощущений», новых запредельных переживаний, новых, необычных и нетривиальных способов достижения удовлетворения.	Достижение личного удовлетворения является ведущей мотивацией, для этого существует готовность к совершению необычных поступков, однако чаще всего – в рамках, очерченных группой.
Устойчивость к неопределенным ситуациям	Хорошая переносимость кризисных ситуаций в сочетании с плохой адаптацией к обыденным ситуациям	При наступлении кризисных ситуаций могут потерять способность к критическому ее осмыслению. Чаще всего действуют по заранее отработанному сценарию, в случае, когда он не работает – теряются. Хорошо адаптируются к жизни в местах лишения свободы.
Конструктивная	Высокий уровень	Высокий уровень

активность в предметной деятельности	поисковой активности в сфере девиантных интересов	активности в сфере девиантных интересов. Нуждаются в групповом одобрении.
Сила «Я» связанная с возможностью автономного функционирования и устойчивости к давлению социального окружения	Независимость в недевиантных сферах деятельности, сочетаемая со стремлением обвинять окружающих и с зависимостью в сфере аддикции	Девиантная сфера деятельности занимает практически все свободное время. Сильно выраженная зависимость от групповой идеологической концепции. Высокий уровень экстернальности.
Чувствительность к красоте в широком смысле слова	-	Неспособность к получению эстетического удовольствия в широком смысле слова.
-	Внешняя социальность, сочетающаяся со страхом перед стойкими контактами	Страх перед стойкими контактами сочетается с сильной зависимостью от группы.
-	Стремление уходить от ответственности	Стремление уходить от ответственности
-	Стремление говорить неправду	Готовность говорить неправду
-	Тревожность	Тревожность, агрессивность

Психологи проводят, тем не менее, границу между проявлением созидательного таланта и увлеченностью разрушением окружающего мира, в котором экстремист не видит места для себя (табл. 3). Однако выйдя за рамки психологической науки, даже среди экспертов разделяются мнения по поводу того или иного деяния. Одни искусствоведы, например, видят художественную ценность в многочисленных деструктивных акциях известной на весь мир «Арт-группы «Война». К числу художников причисляют и известного своими эпатажными перформансами «акциониста» П. Павленского [3]. Другие же напротив, разделяют изящные искусства и эпатаж. Действительно, если исследовать мотивацию к тем или иным действиям, то здесь налицо существенные различия: стремление добиться совершенства в передаче образа, мысли или чувства, либо желание привлечь внимание публики, совершая все более и более экстравагантные поступки. Надо понимать, что выходя на несогласованные акции протеста, осуществляя эпатажирующие публику действия, активисты оппозиционных политических организаций зачастую совершенно осознанно провоцируют полицейских на агрессию. Конфликт с обществом является неременным условием получения эмоциональной разрядки. Здесь не находится места для конструктивного диалога, зато создается образ «страдания за интересы всего человечества». Действительно, мало кто окажется противником набившего оскомину тезиса «Свобода лучше чем несвобода». Однако надо понимать, что декларируя очевидное, экстремисты создают модулирующую социальную среду реперное пространство, вызывая «цепную реакцию сотрудничества». Объединенные приступом «повального сотрудничества» людские массы способны под действием такого рода модераторов на совершение немотивированных, в том числе и общественно опасных действий. Для этого необходимо только наличие экстремистки направленного революционера, готового начать действовать, подавая пример остальным. Консервативный человек, не революционер, выступит против властей только в том случае, если таким образом уже поступают тысячи людей. Радикал готов присоединиться к антиправительственным выступлениям при наличии малейших признаков народных волнений [11]. Экстремист готов инициировать

массовые беспорядки по собственной воле. Таким образом, от количества граждан, разделяющих радикальные взгляды и имеющих опыт экстремистской деятельности, зависит вероятность реализации социального взрыва.

В тоталитарном обществе государствообразующая идеология задает направление развития для каждого гражданина. Носители описанных выше личностных черт хорошо адаптируются в таком государстве. Легкость адаптации к условиям жизни в заключении наглядно иллюстрирует, что им вполне комфортно следовать предписанным свыше правилам, даже в случае лишения свободы. Наличие навязанных извне жестких правил, тоталитарная поляризация общества по принципу «СВОЙ» - «ЧУЖОЙ» облегчает идентичностный выбор, снимает для таких людей психологическое напряжение, которое неизбежно возникает в условиях плюрализма, свободы выбора. Более того, агрессия, выражающаяся в склонности к насилию, проявленная испытуемыми, вполне может быть использована в интересах тоталитарного режима. Многочисленные исторические примеры свидетельствуют, что в условиях тоталитаризма становится возможным совершение самых страшных преступлений против личности во имя достижения «общественного блага» в том понимании, в котором это предусмотрено той или иной идеей авторитарного лидера, «вождя». И Холокост, и этнические чистки, и геноцид осуществлялись государственным карательными структурами, рекрутировавшими в свои ряды тех, кого впоследствии признавали преступниками в открытых международных судебных процессах. Но нельзя забывать, что государственный террор получал поддержку со стороны большинства обывателей, героизировавших карателей. Объясняя свои действия необходимостью разрушения существующего сегодня, «несправедливого по отношению к народу», государственного строя, испытуемыми в качестве идеального государства описывается именно тоталитарная модель, к построению такого государства они стремились, совершая преступления. В таком государстве, с их точки зрения, они нашли бы себе достойное место. Пропагандистская машина тоталитарных государств ограничивает информационные потоки, создавая простую и яркую картину мира для своих граждан. В неформальных тоталитарных политических организациях происходят аналогичные процессы. Испытуемые, получая информацию о мире исключительно в результате сетевого общения с единомышленниками, отсеивали и извращали любые факты, не укладывающиеся в их концепцию миропонимания. Конвенциональность и здесь оказывается выше здравого смысла. Совершенно естественным здесь выглядит тот факт, что в большинстве исторических примеров, приходя к власти на волне недовольства существующим «режимом», вчерашние «свободолюбивые повстанцы» осуществляют массовые репрессии. Для них образ «космического врага», дематериализованный на фазе политической борьбы, персонализируется в период уличных противостояний. Места для рефлексии, для инакомыслия здесь не останется.

Идеологическое многообразие является сегодня одним из краеугольных камней современной цивилизации. Однако, как справедливо отмечал Э. Фромм [9], свобода оставляет человека в состоянии неопределенности, и не каждому по плечу справиться с проблемой выбора собственного пути. Современная демократия предоставляет гражданину право самому решать направления своего развития в социуме. Однако для значительной части общества наличие догм, норм нравственности и морали, не подвергаемых сомнению правил является необходимым условием психологического комфорта. Таким образом, именно в демократическом обществе наиболее остро встает проблема роста количества различного рода тоталитарных сект и радикальных группировок.

Защита общества от того, что в литературе и средствах массовой информации называется экстремизмом, как никогда остро стоит сегодня на повестке дня. Противодействие антиобщественным, деструктивным социальным явлениям представляется для современной демократии жизненно необходимым. Это сложная проблема, которую невозможно решать исключительно карательными полицейскими мерами. Научному сообществу необходимо здесь выработать четкую и беспристрастную

экспертную позицию, осуществляя таким образом свою социальную миссию. Крайне важным также является здесь использование результатов практических исследований феномена подростковой экстремистской агрессии в работе школьных психологов и социальных педагогов. Своевременная коррекционная, психотерапевтическая работа способна уберечь подростков от вовлечения в противоправную деятельность и сохранить их для общества в качестве полноценных граждан.

Литература

1. *Адорно Т.В.* Исследование авторитарной личности. // Москва, Астрель, 2012 г. 473 с.
2. *Братусь Б.С.* Аномалии личности.- М.: Мысль, 1988.- 301, [2] с.
3. *Гусарова Ю.* «Петр Павленский: Тело человека гораздо прочнее, чем кажется» [Электронный ресурс]: Интернет-издание «Сноб» (ООО «Сноб-медиа»), 2013 г. - <http://www.snob.ru/selected/entry/67704> (дата обращения 31.03.2014 г.)
4. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения. // СПб, Речь, 2008 г., 444 с.
5. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Психологические аспекты «преступлений ненависти» // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. - СПб. - 2008. - №2 (15). - С. 63-75;
6. *Мешкова Н.В.* К вопросу о методологии исследования связи предубежденности и межэтнического взаимодействия // Этнопсихология: вопросы теории и практики. М.: МГППУ, 2010. - С. 27-35;
7. *Мешкова Н.В.* Исследование личностных и ситуативных особенностей межгрупповой предубежденности // Социальная психология и общество. 2012. №1. - С. 73-87;
8. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма. // Москва, Форум, 2012 г., 255 с.
9. *Фромм Э.* Бегство от свободы. // Минск, Харвест, 2003 г., 383 с.
10. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. // Бюллетень международных договоров, 2004 г., № 1, с. 29-36.;
11. *Glance Nataly S., Huberman Bernardo A.* The Dinamics of Social Dilemmas. // Scientific American, March 1994, p. 76-81.;
12. *Juergensmeyer M.* Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence / M. Juergensmeyer. - Berkeley : University of California Press, 2003. - 336 p.;
13. *Spence A. M.* Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Market. // Nobel Prize Lecture, Stanford Business School, Stanford University, 2008, p.407-444.

The problem of research on the socio-psychological characteristics of persons who have committed serious and heinous crimes of violence for ideological reasons

M.G. Stadnikov

PhD in Psychology, Doctoral Student in Psychology, Chair of Crisis and Emergency Situations, Department of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, mgstadnikov@gmail.com

A.A. Scheglov

Lecturer, Center of Church and State Relations, Northwest Management Institute, Russian Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, aascheglov@yandex.ru

The article presents the results of a content analysis of the interviews of participants of radical nationalist groups who committed serious and heinous crimes of violence motivated by racial and religious hatred and enmity ("hate crimes"). The study involved 20 people aged 18 to 30 years. As the results of the interview, the subjects demonstrated the need for "black and white" perception of the world in which there is necessarily an image of an enemy to be destroyed. This makes them particularly susceptible to the incentive effects of extremist communications. We showed very similar socio-demographic and socio-psychological characteristics in respondents which suggest the presence of a common set of character traits that form a stable syndrome. We highlighted the socio-demographic and socio-psychological traits of individuals who are prone to commit "hate crimes".

Keywords: extremism, hate crime, authoritarian personality, aggression, world.

References

1. *Adorno T.V.* Issledovanie avtoritarnoy lichnosti [The Authoritarian Personality]. Moskva, Astrel', 2012. 473 p.
2. *Bratus' B.S.* Anomalii lichnosti [Personality Disorders] Moscow: Mysl', 1988. 301, [2] p.
3. *Gusarova Ju.* Petr Pavlenskij: Telo cheloveka gorazdo prochnee, chem kazhetsja [Petr Pavlenskij: The Human Body Is Much More Firm Than We Could Imagin]: Internet-magazine «Snob» («Snob-media»), Moscow, 2013. Available at: <http://www.snob.ru/selected/entry/67704> (Accessed 31.03.2014)
4. *Mendelevich V.D.* Psikhologiya deviantnogo povedeniya. [Psychology of Deviant Behavior] St-Petersburg, Rech', 2008, 444 p.
5. *Meshkova N.V., Enikolopov S.N.* Psikhologicheskie aspekty «prestupleniy nenavisti». [Psychology Aspekts of the "Hate Crimes"] Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra: Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba. St-Petersburg. 2008. №2 (15). p. 63-75;
6. *Meshkova N.V.* K voprosu o metodologii issledovaniya svyazi predubezhdennosti i mezhetnicheskogo vzaimodeystviya [About Methodology of Investigations of Prejudice and Interethnic Transactions] Etnopsikhologiya: voprosy teorii i praktiki. Moscow: Publ. MGPPU. 2010. p. 27-35;

7. *Meshkova N.V.* Issledovanie lichnostnykh i situativnykh osobennostey mezhgruppovoy predubezhdenosti [Intergroup Prejudice: Exploring Personality-Related and Situational Characteristics]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. 2012. №1. p. 73-87
8. *Sosnin V.A.* Psikhologiya suitsidal'nogo terrorizma. [Psychology of Suicide Terrorism] Moskva, Forum, 2012, 255 p.
9. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. [Escape from Freedom] Minsk, Kharvest, 2003, 383 p.
10. Shankhayskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom ot 15 iyunya 2001 goda. [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism] *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2004, № 1, p. 29-36.
11. *Glance Nataly S., Huberman Bernardo A.* The Dynamics of Social Dilemmas. *Scientific American*, March 1994, p. 76-81.
12. *Juergensmeyer M.* Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence / M. Juergensmeyer. Berkeley : University of California Press, 2003. 336 p.
13. *Spence A.M.* Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Market. Nobel Prize Lecture, Stanford Business School, Stanford University, 2008, p.407-444.